

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

© 2005 г.

И. А. Макаров

«ПЕРВАЯ ЭЛЕВТЕРИЯ» ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ¹

История античного Херсонеса нашла слабое отражение в литературной традиции. Тем легче объяснить особый интерес исследователей к немногочисленным упоминаниям таврического полиса у античных авторов и стремление соотнести каждое из этих сообщений с основным источником информации – данными херсонесской эпиграфики и нумизматики. Одним из такого рода ценных свидетельств античной традиции является фраза из VI книги «Естественной истории» Плиния Старшего, где упомянут Херсонес и сказано, что «римлянами ему была дарована свобода» (NH. VI. 85: «*mox Heraclea Cherronesus libertate a Romanis donatum*»).

Это замечание Плиния получило интересное развитие в одной из работ М.И. Ростовцева², поводом для которой послужило обнаружение во время раскопок Р.Х. Лепсера в Херсонесе в 1911 г. декрета в честь Г. Юлия Сатира. Декрет был издан В.В. Латышевским несколько лет спустя в разделе *Addenda et corrigenda* второго издания первого тома *IOSPE* (*IOSPE. I². 691*) и с тех пор не переиздавался³. Замечу попутно, что камень с надписью долгое время хранился в Херсонесском музее-заповеднике (инв. № 34846, рис. 1), откуда он был украден в 1991 г.

Ростовцев дал подробный комментарий к этому документу и усмотрел связь между ним и приведенным выше сообщением Плиния. Данное сопоставление позволило ученому набросать гипотетический очерк политического положения Херсонеса на рубеже эр, в частности, реконструировать историю его отношений с Боспорским царством и Римом в этот период. Напомним его основные положения⁴. В результате Диофантовых войн Херсонес вошел в состав

¹ Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

² *Ростовцев М.* Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. 63. С. 1–21. Ср. английский вариант данной работы: *Rostovtzeff M.* Caesar and the South of Russia // JRS. 1917. 7. P. 27–44.

³ Надпись недавно была включена в третий том сборника «*Iscrizioni storiche ellenistiche*» (Roma, 2002), подготовленный Ф. Канали де Росси, но данное издание не вносит практически ничего нового в чтение или понимание документа (ср. ISE. III. 148).

⁴ *Ростовцев.* Цезарь и Херсонес. С. 15–16.

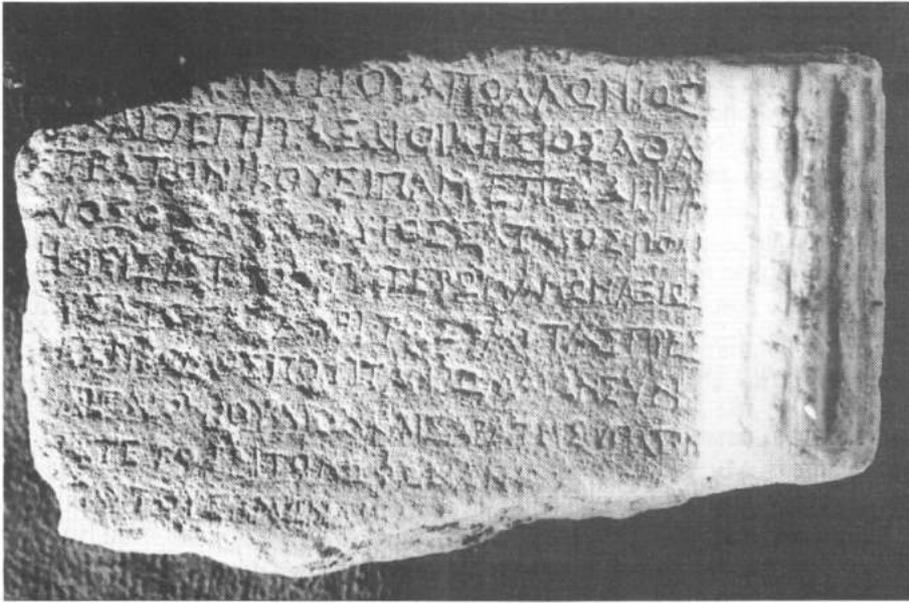

Рис. 1. Декрет в честь Гая Юлия Сатира. Херсонес Таврический

Понтийского царства Митридата Евпатора. При Фарнаке положение города «скорее ухудшилось». После битвы при Зеле у Херсонеса появилась надежда получить независимость от понтийских монархов, подобно тому как Фанагория получила свободу благодаря Помпею или Амис благодаря Цезарю. Как отметил Ростовцев, чествуемый в декрете персонаж, херсонесский гражданин Гай Юлий Сатир, безусловно, являлся фигурой международного масштаба. Его имя позволяет видеть в нем одного из уроженцев греческого Востока, получившего римское гражданство непосредственно от Юлия Цезаря. Это обстоятельство дает возможность сопоставить Сатира с такими значимыми историческими персонажами рассматриваемой эпохи, как Феопомп и Артемидор Книдский или Потамон Митиленский. Эти сопоставления, а также упоминание в сткк. 7–9 посольства Сатира в Рим в период третьей диктатуры и третьего консулата Цезаря (т.е. в 46/45 г. до н.э.) привели Ростовцева к логичному заключению о том, что «...херсонесский посол Г. Юлий Сатир побывал в Риме как один из многочисленных послов-греков, хлопотавших после битвы при Фарсале и Зеле за свою родину»⁵. Учитывая политическую ситуацию, в которой находился Херсонес в это время, и масштабность чествуемой фигуры, Ростовцев сделал и второе предположение: предметом переговоров Сатира являлось, скорее всего, предоставление городу независимости от Боспорского царства ок. 46 г. до н.э. (так называемой «первой элевтерии»), о которой и идет речь в упоминавшемся тексте Плиния Старшего.

Данная реконструкция получила признание и развитие в последующей научной литературе. В частности, были приведены дополнительные аргументы в ее пользу. Нумизматами было предложено связать с гипотетической элевтерией 46 г. до н.э. две монеты с надписью ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, первоначально датировавшиеся, как и весь комплекс монет с той же легендой, II в. н.э. Речь идет о двух разновидностях одного типа, отличающегося более крупным разме-

⁵ Там же. С. 11.

ром⁶. В одном случае мы имеем изображение на лицевой стороне бодающего быка с надписью ΕΛΕΥΘΕ и изображение на оборотной стороне Девы, разящей копьём лань. В другом случае Дева с ланью и надпись ΧΕΡΣΕΛΕΥΘ помещены на аверсе, а реверс содержит изображение бодающего быка и магистратское имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ. В плане эпиграфической аргументации отмечалось, что со времени завершения кампании Диофанта и до времени принятия данного декрета полностью отсутствуют декреты, принятые от имени херсонесских магистратов, что указывает на связь этого документа с освобождением полиса от боспорского протектората⁷. Отмечалось также, что дарование «первой элевтерии» Херсонесу логично встраивается в политику Цезаря, направленную на подрыв помпеянской оппозиции в греческих городах Востока⁸.

В то же время с самого начала имелось одно затруднение, существенно ослаблявшее эту гипотезу. Как известно, Страбон, чья «География» датируется правлением Августа, отмечал, что Херсонес находился в подчинении у боспорских династов с эпохи Митридата и вплоть до времени, когда Страбон создавал свое произведение (VII. 4. 3: ἐξ ἐκείνου δὴ τοῦ χρόνου τοῖς τοῦ Βοσπόρου δυνάσταις ἢ τῶν Χερρονησιτῶν πόλις ὑπήκοος μέχρι νῦν ἐστίν). Ростовцев попытался объяснить это противоречие тем обстоятельством, что цезаревская элевтерия вскоре после смерти Цезаря была отменена Антонием и, таким образом, ускользнула от внимания Страбона или его источника информации. Говоря словами Ростовцева, «...у Антония можно было купить все. У Асандра, чеканившего полновесное золото было больше денег на покупки, чем у Херсонеса»⁹. Тем не менее имеющееся противоречие не снимается данным объяснением. Попытка избежать указанного противоречия была предпринята В.М. Зубарем¹⁰, который отнес данное сообщение Страбона к источнику первой половины I в. до н.э., т.е. ко времени правления Митридата и Фарнака, когда город, безусловно, находился под боспорским протекторатом. Однако с этим последним объяснением нельзя согласиться, поскольку Страбон, несомненно, демонстрирует осведомленность в боспорской истории второй половины I в. до н.э., когда говорит о назначении римлянами боспорских царей (VII. 4. 7: τοῖς τῶν Βοσπορωνῶν βασιλεῦσιν οὗς ἄν Ῥωμαῖοι καταστήσωσιν). Иными словами, способа примирить свидетельство Страбона и гипотезу относительно элевтерии 46 г. до н.э. не было найдено.

Вернемся к главному источнику в пользу существования цезаревской элевтерии – декрету в честь Г. Юлия Сатира. В сткк. 4–7 читаем, следуя восстановлению В.В. Латышева: ἐλεῖδῃ Γά[ι]ος Ἰού[λι]ος Θε[ο]υ[γέν]ου υἱὸς Σάτυρος

⁶ Предложение связать эти монеты с «первой элевтерией» было высказано А.В. Оршниковым (Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1922. 2) и принято А.Н. Зографом (Английские монеты. М.–Л., 1951. С. 153).

⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. Новый декрет из Херсонеса // ВДИ. 1982. № 2. С. 82; Виноградов Ю.Г. От элевтерии к зависимости: проблема политической правоспособности Херсонеса в конце II–I вв. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988. Севастополь, 1988. С. 20.

⁸ Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 118.

⁹ Ростовцев. Цезарь и Херсонес. С. 19. Предлагалась и более точная дата отмены «первой элевтерии» – ок. 42 г. до н.э., когда Антоний лишил некоторые греческие города на Востоке дарованной ранее свободы (см. Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 57). Однако связь между этими двумя событиями выглядит искусственной.

¹⁰ Зубарь. Ук. соч. С. 119.

πολί[τας ποι]θηεῖς ἐπ[ὶ τῶν]πατέρων ἀμῶν ἀξίως | [ἐπολιτε]ύσατο τὰς χάριτος ταύτας ... – «поскольку Гай Юлий, сын Феогена, Сатир, получив право гражданства ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν, исполнил гражданские обязанности достойно этой почести...». Комментируя словосочетание ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν, Ростовцев отметил, что Г. Юлий Сатир получил херсонесское гражданство «при отцах», т.е. уже был стариком к моменту постановки надписи¹¹. Это толкование, несмотря на его безупречность с точки зрения формальной грамматики, вызывает недоумение. Не ясно, что хотели подчеркнуть редакторы документа, не ограничившись простой ссылкой на херсонесское гражданство, полученное чествуемым лицом, но дополнив ее указанием на хронологию, причем указанием крайне расплывчатым. Действительно, какому историческому отрезку соответствует определение «при наших отцах» с точки зрения принимавших данный декрет граждан, среди которых, очевидно, были люди, принадлежавшие разным поколениям?

Единственным исследователем, обратившим внимание на эту странную деталь, оказался Ю.Г. Виноградов¹². Он напомнил, что в ряде херсонесских документов словом «отцы» (πατέρες) обозначаются граждане метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской. Так, в IOSPE. I². 362 говорится о «благочестивейших отцах гераклеотах» (τοὶ εὐσεβέστατοι πατέρες Ἡρακλεώται), а в IOSPE. I². 357 речь идет об «отеческом расположении» гераклеота по отношению к гражданам Херсонеса (οἷα πατέρων ἀγαθῶν πρὸς υἱοῦς φιλοστόργους [εἶχ]εν εὖνοιαν). Эти параллели позволили Виноградову интерпретировать интересующее нас выражение в смысле «у наших отцов», т.е. у граждан Гераклеи. Данный перевод полностью соответствует контексту, его можно упрекнуть разве что в некоторой грамматической шероховатости. Однако для греческого языка эллинистического времени конструкция ἐπὶ + gen. в локальном значении широко засвидетельствована как в документальных жанрах, так и в литературе¹³.

Тем самым в декрете отсутствует указание на херсонесское гражданство Сатира, что постулировалось Ростовцевым. О его деятельности и даже пребывании в Херсонесе ничего не сказано. Отсутствие этника рядом с именем чествуемого лица в данном случае никоим образом не может рассматриваться в пользу его местного происхождения. Родина Сатира не названа, так как, именно Сатир в соответствии с римской традицией обозначать τῆρα ποτῖνα, редакторы декрета намеревались представить его прежде всего римским гражданином. Обратим также внимание на подчеркнута строгое следование римской ономастической формуле, что видно в передаче патронимика через «сын такого-то» и в его постановке между ποτεп и согпотеп. В качестве параллели можно указать на надпись из сирийской Лаодикии в честь Г. Юлия Феопомпа, где он представлен как римский гражданин и его книдское происхождение не упомянуто (IK-41, Knidos, 58). Подобным же образом этот персонаж обозначен и в надписях, поставленных в его честь родосцами (IG. XII. 1. 90) и гражданами Коса (AE. 1934. 91)¹⁴. О происхождении Сатира можно только гадать. Ростовцев, считал его предположительно судовладельцем, уроженцем одного из южно-

¹¹ Ростовцев. Цезарь и Херсонес. С. 2.

¹² Виноградов Ю.Г. Цезарь, Херсонес и Боспор // Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 19–20.

¹³ См., например: Polybios-Lexicon / Bearb. von A. Mauersberger et al. В., 1956–... S. 878, s.v. ἐπὶ. Ср. также Preisigke F. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden. В., 1924. S.v. ἐπὶ, 1.

¹⁴ Этим указанием я обязан Ж.-Л. Феррари (Университет Париж-1, Париж).

понтийских полисов¹⁵, который служил навархом у Цезаря во время Александрийской войны, подобно Асклеиаду из Кизика. Против данного сопоставления говорит, однако, то обстоятельство, что Асклеиад, несмотря на высочайшие почести, оказанные ему в его родном городе (два поколения спустя в Кизике в честь него продолжали справляться ежегодные состязания), судя по всему не был достоин римского гражданства, как и его соотечественник Феогнет, посланный во главе корабля во время Африканской войны¹⁶.

Как бы то ни было, фраза декрета (сткк. 7–9) «он исполнил гражданские обязанности достойно этой почести, отправившись с посольством в Рим в римский сенат и к Г. Юлию Цезарю» должна указывать на посольство, отправленное Гераклеей Понтийской, а не Херсонесом Таврическим, как полагал Ростовцев. Однако в свете этого заключения правомерно вновь задаться вопросом относительно цели дипломатической миссии Г. Юлия Сатира. Виноградов, не отступая от основной идеи Ростовцева, предположил, что по ходатайству Херсонеса граждане Гераклеи убедили Сатира поставить перед Цезарем вопрос о независимости Херсонеса от Боспорского царства. По его мнению, херсонеситы предложили включить свой полис в договор на верность Риму и, в частности, предложили Митридату Пергамскому, посланному Цезарем в Крым на борьбу с Асандром, свою помощь в виде вспомогательных отрядов (*auxilia*)¹⁷. В соответствии с этой гипотезой Виноградов предложил новое восстановление двух последних строк данного декрета¹⁸. В издании Латышева в сткк. 10–11, после упоминания третьей диктатуры Цезаря дан следующий текст: ἐφ' ὧν [.....] | [.....] ἐ αὐτοῦς ἀμῶν [---]¹⁹. Ссылаясь на эстампаж данного документа, обследованный им в октябре 1993 г. в Херсонесском музее, Виноградов предложил иное чтение и восстановление: ἐφ' ὧν ἀνεκ[τάσατο] | [τὰ δίκαια? πο]τ' αὐτοῦς ἀμῶν ὁμο[λογί-αν ἐλανευσε] [[κῶν? κτλ.] и перевел эту фразу следующим образом: «...у которых (т.е. у сената и Цезаря. – И.М.) он выпросил назад наши (законные права?, обратившись с предложением?) к ним заключить с нами (т.е. с херсонеситами. – И.М.) договор о союзе».

¹⁵ В качестве возможной родины Сатира Ростовцевым предлагались Амис, Синопа, Гераклея. Последнюю возможность теперь приходится исключить. Комментарий Ростовцева относительно Г. Юлиев греческого происхождения в настоящее время дополняют и уточняют наблюдения Л. Робера (*Robert L. Inscriptions d'Aphrodisias // Ant. Class. 1966. 35. P. 418 suiv = OMS. VI. P. 42*), диссертация Б. Хольтхайде (*Holtzheide B. Römische Bürgerrechtspolitik und römische Neubürger in der Provinz Asia. Freiburg, 1983. S. 26*) и статья Ж.-Л. Феррари (*Ferrary J.-L. Les Grecs des cités et l'obtention de la civitas Romana*), которая должна появиться в готовящемся издании материалов коллоквиума «Citoyenneté et participation à la basse époque hellénistique» (Paris, 2004).

¹⁶ На это обращено внимание в работе: *Ferrary. Op. cit. Not. 38, 39. Ср. IGR. IV. 159 и Syll.³ 763.*

¹⁷ Виноградов. Цезарь, Херсонес и Боспор. С. 20. Фарнак, разбитый при Зелс, заключил в Синопе мир с римлянами (*App. Mithr. 120*). Со своей стороны, Цезарь воспользовался изменой Асандра Фарнаку как поводом, чтобы разрешить Митридату Пергамскому начать войну с Асандром (*Dio. Cass. 42. 9. 48*).

¹⁸ Предложенные исправления нашли отражение в упомянутой работе Ю.Г. Виноградова «Цезарь, Херсонес и Боспор», но греческий текст и перевод надписи не были опубликованы. Они были обнаружены мной в подготовительных материалах, хранящихся в архиве ученого. Благодарю А.Ю. Виноградова за предоставленную возможность работы с этими материалами и их цитирования.

¹⁹ В стк. 11 Латышев не исключал возможность иной разбивки слов: [.....] ἐ αὐ τοῦς ἀμῶν [---]. Канали де Росси (*ISE. III. 148*) читает [.....] ἐ αὐ τοῦς ἀμῶν [---].

Рис 2. Эстампаж херсонесского декрета в честь Гая Юлия Сатира. Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Архив

Два года назад я также осмотрел упомянутый эстампаж, выполненный, видимо, М.И. Скубетовым и хранящийся в архиве Херсонесского музея (рис. 2). Сразу следует указать на его существенный недостаток: контуры букв были продавлены на нем карандашом по-сырому, что не позволяет с абсолютной надежностью контролировать чтение именно в наиболее фрагментарно сохранившихся частях. Так или иначе я могу подтвердить лишь чтение букв *альфы* и *ню* (но не АНЕК) в конце стк. 10, вероятность чтения *тау*, а не *эпсилона* (Латышев) в начале стк. 11 и наличие *омикрона* и последующей вертикальной гасты (но не ОМО) в конце стк. 11. Данное обстоятельство существенно ослабляет убедительность восстановления, предложенного Ю.Г. Виноградовым. Кроме того, восстанавливаемое им ключевое слово *ὀμολογία*, насколько мне известно, не засвидетельствовано в эпиграфических памятниках как эквивалент латинского *foedus* для обозначения союзных договоров между Римом и греческими полисами. В известных нам документах регулярно используются иные термины: *φιλία*, *συνμαχία*, *συνθήκαι*²⁰. Это побуждает искать другие варианты восстановления и толкования строк 10–11.

Надежно читаемое в начале интересующей нас синтагмы выражение *ἐφ' ὧν* следует понимать в значении обстоятельства места (ср. похожую конструкцию в разбиравшемся выше словосочетании *ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν*): «в присутствии которых», «перед которыми». Подразумеваются, несомненно, «римский сенат и Цезарь», упомянутые непосредственно перед *ἐφ' ὧν*. В качестве параллели процитирую письмо Нерона гражданам Родоса (Syll.³ 810), где император также говорит о направленном к нему посольстве: *τοὺς ὑπὲρ ὑμῶν ἐπ'*

²⁰ См., например, IG. IV². 1. 63 (Эпидавр); OGIS. 762 (Кибира); Syll.³ 694 (Пергам?). Ср. Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Berkeley–Los Angeles, 1984. P. 731–744; Avram A. *Der Vertrag zwischen Rom und Kallatis. Ein Beitrag zum römischen Völkerrecht*. Amsterdam, 1999. S. 30.

ἐμοῦ ποιησαμένων λόγους («произносившие в моем присутствии речи в вашу защиту»). Далее с большой вероятностью следует ожидать глагола, описывающего действия посла перед лицом Цезаря и сенаторов. Читаемые на эстампаже *альфа* и *ню* относятся, скорее всего, к этому слову. Предложенный Виноградовым глагол ἀνακτόομαι, означающий «получать назад», «восстанавливать», был бы скорее уместен для описания результата посольства, а не действий посла, выступающего перед (ἐφ' ὧν) высокопоставленными лицами. В данном же случае ожидается один из глаголов со значением «говорить» или «просить»²¹. В качестве искомого глагола с приставкой ἀνα- я предложил бы *exempli gratia* восстановить ἀν[ενεώσατο]. В значении «упоминать», «напоминать» глагол ἀνανεοῦμαι хорошо засвидетельствован в литературных и эпиграфических текстах, описывающих посольства²². В начале стк. 11 *tau* может принадлежать лишь слову, финальная гласная которого была элидирована перед αὐτοῦς. Другой возможности, кроме восстановления предлога ποτὶ, предложенного и Виноградовым, я не вижу²³. Интерпретация же непосредственно следующего местоимения αὐτοῦς не кажется однозначной. Как говорилось выше, Виноградов предполагал, что имеются в виду римляне. С другой стороны, коль скоро посольство во главе с Сатиром было отправлено гражданами Гераклеи Понтийской, ничто не мешает видеть в слове αὐτοῦς указание на отцов-гераклеотов.

Что касается восстановления ключевого слова, то, на мой взгляд, достаточно вероятным в данном контексте было бы такое предположение: буквы *омикрон* и *иота* (?), сохранившиеся после ὁμων в конце стк. 11, скорее всего относятся к существительному οἰκειότης, которое часто обозначает тесные связи между государствами: как между союзниками²⁴, так и между колонией и метрополией²⁵. Соответственно, имеются две возможности интерпретации текста, в равной степени вероятные. Можно предполагать, что в ходе своего посольства в Рим Сатир указал на родственные узы, связывающие Гераклею Понтийскую и ее таврическую колонию. В этом случае мы ожидаем употребление формулы οἰκειότης καὶ συγγένεια в примерно следующем тексте: ἐφ' ὧν ἀν[ενεώσατο? τάν]||[ἀρχᾶθεν πο]τῖ αὐτοῦς ὁμων οἰ[κειότητα καὶ συγγένειαν? ---] – «...перед

²¹ Не случайно и Виноградов, следуя контексту, по-русски передал ἀνακτόομαι как «выспросил», что, однако, не соответствует значению этого глагола. Кроме того, небольшой размер лакуны не позволяет восстановить необходимое при глаголе в случае истинности интерпретации Виноградова дополнение, а именно τάν ἐλευθερίαν. Предложенное им τὰ δίκαια («права»), хотя и подходит по количеству букв, но выглядит не слишком удачным термином для обозначения полученной гражданами свободы, особенно без притяжательного местоимения ἡμέτερα («наши»), добавленного исследователем в русском переводе, но, очевидно, не помешающего в лакуну в греческом тексте.

²² Ср. *Diod. XIV. 19* (ἀπέστειλε δὲ καὶ πρὸς Λακεδαιμονίους πρεσβευτὰς τοὺς ἀνανεωσομένους τὰς κατὰ τὸν πρὸς Ἀθηναίους πόλεμον εὐεργεσίας); SEG. 34. 558 (Фессалия); IG. XI. 4. 756 (Делос).

²³ По поводу возможных вариантов восстановления ср. *Kretschmer-Locker. P. 74–75. 98.*

²⁴ При этом упоминается обычно пара «солидарность и дружба» (οἰκειότης καὶ φιλία). Ср., например, IG. XI. 4. 756 (Делос, договор с Римом) и комментарий Ф. Дюррбака ad loc. (*Choix inscr. Délos, p. 85*): «l'expression de φιλία καὶ οἰκειότης est courante et de style pour signifier entre états des relations de cordiale amitié». См. также Syll.³ 404 (Хиос и этолийцы); 560 (Магнезия и Эпидамн); REG. 1898. 11. P. 258 (Алабанда, договор с Римом). Ср. *Curry O. Les parentés légendaires entre cités grecques. Genève, 1995. P. 228.*

²⁵ В этом случае часто фигурирует пара «солидарность и родство» (οἰκειότης καὶ συγγένεια). См., например, Syll.³ 591 (декрет из Лампсака), A. Rehm, *Milet. I. 3, 37* (Милет и Крит). Ср. *Curry. Op. cit. P. 224.*

лицом которых [Цезаря и сената] он (упомянул) наши (давние связи и родство) с ними [т.е. с гераклеотами]». В самом деле, подобная фразеология известна из херсонесских декретов в честь граждан Гераклеи. В одном из документов херсонеситы говорят, что гераклеоты оказывают им помощь в силу «чувства родственной солидарности» (IOSPE. I². 362, 4: οἰκειῶι πάθει), а в другом херсонесском декрете упоминается «братская преданность» гражданина Гераклеи по отношению к Херсонесу (IOSPE. I². 359, 7: ἰσαδέλφωι εὐνοίῳι). Впрочем, не исключена и другая интерпретация предложенного выше восстановления заключительных строк надписи. В Риме Сатир мог упомянуть договор о дружбе, уже заключенный херсонеситами и римлянами примерно веком раньше. Об этом договоре нам известно благодаря еще одному эпиграфическому памятнику – договору Херсонеса и Фарнака Понтийского, датирующемуся, вероятнее всего, 155 г. до н.э.²⁶ (IOSPE. I2. 402, 26: τὴν τε πρὸς Ῥωμαίους φιλίαν διαφυλάσσόντων). В этом случае мы ожидали бы употребление формулы οἰκειότης καὶ φιλία для указания на договор о дружбе между Херсонесом и Римом: ἐφ' ὧν ἀν[ενεώσατο? τάν] [ὑπαρχούσαν πο]τ' αὐτοῦς ἀμῶν οἰ[κειότητα καὶ φι][λίαν? ---] – «...перед лицом которых [Цезаря и сената] он (упомянул) существующие у нас с ними [т.е. с римлянами] (тесные связи и дружбу)». Не было бы удивительным, если бы гераклейский посол упомянул договор о дружбе, заключенный в прежние времена между Римом и Херсонесом, причем, скорее всего, при посредничестве все той же Гераклеи Понтийской²⁷.

Итак, согласно предложенному прочтению документа, в заслугу гераклейскому послу Сатиру вменяется упоминание в римском сенате таврического полиса либо в качестве колонии и союзника Гераклеи Понтийской, либо как государства, связанного в былые времена союзным договором с римлянами. В то же время из текста декрета не следует, что задачей дипломатической миссии Сатира было получение независимости Херсонеса от Боспора. Об истории самой Гераклеи Понтийской, отправившей данное посольство, в рассматриваемый период мы знаем немного. Можно, однако, напомнить, что миссия Сатира примерно совпадает по времени с выводом на гераклейскую территорию римской колонии, о которой сообщает Страбон (XII. 3. 6: γενομένη δ' ὑπὸ τοῖς Ῥωμαίοις ἐδέξατο ὀλοικίαν Ῥωμαίων ἐπὶ μέρει τῆς πόλεως καὶ τῆς χώρας)²⁸. Обычно полагают, что она была послана Цезарем²⁹ после победы над Фарнаком в 47 г. Не исключено, что посольство Г. Юлия Сатира было связано именно с этим событием.

Теперь обратимся к другим доводам, выдвигавшимся в пользу гипотезы об элевтерии 46 г. до н.э. Как отмечалось выше, редкие оболы «первой элевтерии» были атрибуированы Орешниковым и Зографом именно на основе гипо-

²⁶ Аргументация в пользу исправления прежней датировки IOSPE. I². 402 суммирована в работе: *Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros*. Stuttgart, 1993. S. 78 f.

²⁷ О договоре между Римом и Гераклеей Понтийской сообщает Мемнон (FrGrHist 434, F 26), и отвергать это свидетельство нет достаточных оснований, несмотря на отсутствие точной датировки этого события.

²⁸ На основании сообщения Мемнона (FrGrHist 434, F 40) можно заключить, что после организации Помпеем провинции Понт-Вифиния восстановленная Гераклея не получила статус свободного города. Он упоминает гераклейское посольство, добивавшееся свободного статуса для города (Βριθαγόρας δὲ, ἤδη τῆς πόλεως αὐξομένης, ἐλπίδας ἐποίησατο πρὸς ἐλευθερίαν τὸν δῆμον ἀνευκεῖν) и ожидавшее прибытия Цезаря в Рим в течение 12 лет. Ср. *Marek Chr. Stadt, Ara und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia*. Tübingen, 1988. S. 43.

²⁹ *Ibid.* S. 48–49.

тезы Ростоцева. В связи с этим вспомним, что Зограф приводил интересные соображения относительно того, что оболы «первой элевтерии» весом до 15 г были приравнены к двум ассариям, или одному дупондию³⁰. В пользу этого, по мнению ученого, говорят другие херсонесские монеты серии элевтерии. Однако если данная идентификация верна, то она должна служить доводом против принимаемой самим же Зографом связи этих монет с элевтерией 46 г. до н.э. Дело в том, что первые эмиссии соответствующего номинала дупондия весом, в среднем варьирующимся между 11–14 г, датируются лишь временем Августа, а именно, после 27 г. до н.э. в Малой Азии (Пергам) и после 18 г. до н.э. в самом Риме³¹. Признавая всю сложность проблемы идентификации римских бронзовых номиналов на греческом Востоке³², отмечу следующее. Можно интерпретировать интересующие нас монеты как оболы и отвергнуть гипотезу об их возможной связи с римской системой номиналов. В этом случае у нас нет ключа к их датировке, и предлагавшаяся дата ок. середины 40-х годов является лишь одним из возможных вариантов. Если же признать эту связь, следует датировать данные монеты не раньше времени Августа. По весу (ок. 14–15 г) они окажутся наиболее близки номиналу дупондия конца периода Юлиев-Клавдиев³³. В пользу более поздней даты для этих монет говорят и два общих соображения. При следовании традиционной датировке мы имеем дело с редкой городской эмиссией на фоне полного господства боспорской монеты³⁴. С другой стороны, восстановление в Херсонесе местного массового чекана на основе римской системы номиналов наблюдается не ранее середины I в. н.э.³⁵ В этом случае ничто не помешало бы поместить данные монеты ближе к концу периода правления Юлиев-Клавдиев.

В поддержку гипотезы о цезаревской элевтерии приводилось также следующее наблюдение. Отмечалось, что хронологическая классификация херсонесских государственно-правовых актов дает следующую картину³⁶. Ко II в. до н.э. (до Митридатовой эпохи) относятся семь надписей; к нескольким годам, непосредственно предшествующим и следующим за Крымской кампанией Диффанта, относятся, как минимум, четыре надписи; в течение последующего временного отрезка длиной в полстолетия исчезают все документы законодательного содержания. С другой стороны, лишь на краткий период цезаревской элевтерии приходится три декрета: декрет в честь Сатира, декрет IOSPE. I². 347 и маленький фрагмент декрета, опубликованный в 1982 г.³⁷ Из этого наблюдения был сделан вывод, что появление данных эпиграфических докумен-

³⁰ А.Н. Зограф (Античные монеты. С. 159) приводит доводы в пользу такой идентификации номинала: «В других городах, особенно в III в., гораздо чаще можно встретить серию без номинала в 1 единицу, чем без дупондия, во-вторых, ... по размеру и весу он больше подходит к этой функции и, наконец, на роль самого младшего номинала может претендовать монетка с типом бюста "Херсонас" на лицевой стороне и фигуры Ники на оборотной».

³¹ *Giard J.-B. Catalogue des monnaies de l'Empire romaine. I. P., 1976. P. 7.* Весовой стандарт довольно редкого дупондия республиканского времени базируется на ассе весом ок. 27 г. См. RRC. I. P. 12, 159.

³² Характеристику проблемы см. RPC. I. P. 30 ff.

³³ Ср. *Der neue Pauly. Bd 3. S. 845, s.v. dupondius* (ср. RIC². I. P. 90, 102, 114).

³⁴ *Голенко К.В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 65.*

³⁵ Зограф. Античные монеты. С. 157.

³⁶ *Виноградов. От элевтерии к зависимости... С. 20.*

³⁷ *Шелов-Коведяев. Ук. соч.*

тов знаменует новый этап в херсонесской истории, связанный с прекращением боспорского протектората и возвращением херсонесской общине ее законодательных полномочий.

Этот аргумент *ex silentio* не имеет достаточной доказательной силы. Во-первых, большая часть херсонесских надписей датируется на основании палеографии, а этот критерий чаще всего не позволяет датировать документы с точностью до полувека. Поэтому мы не можем уверенно постулировать отсутствие фрагментов декретов первой половиной I в. до н.э. Во-вторых, примеры других полисов, в частности Ольвии и Фанагории, показывают, что понтийский протекторат не означал прекращения деятельности демократических институтов, продолжавших издавать декреты (ср. IOSPE. I². 35, ольвийский декрет в честь кибернета из Амиса, датирующийся митридатским временем, и фанагорийский декрет 88/87 г. до н.э. относительно наемников³⁸). Наконец, и упомянутые только что надписи «времени цезаревской элевтерии» не являются столь однозначными свидетельствами в пользу существования последней. Декрет IOSPE. I². 347, одновременный декрету в честь Г. Юлия Сатира³⁹, был объединен Ю.Г. Виноградовым с фрагментом, найденным в 1976 г. М.И. Золотаревым⁴⁰. Однако признанное Виноградовым наиболее вероятным дополнением демотикона чествуемого лица как «боспорянин» должно говорить за то, что граждане Боспорской державы продолжали играть важную роль в Херсонесе именно в период независимости полиса от Боспора, что кажется не вполне логичным⁴¹. Фрагмент декрета, опубликованный в 1982 г., может быть датирован на основании палеографии и реконструкции формульного типа преамбулы позднее декретов в честь Сатира и IOSPE. I². 347 (около 46/45 г. до н.э.), но ранее IOSPE. I². 354 (время правления боспорской царицы Динамии). Это, в свою очередь, не позволяет надежно связать его с кратким периодом «первой элевтерии».

Наконец, в связи с интересующей нас проблемой элевтерии 46 г. до н.э. рассмотрим, на какой документальной основе базируется мнение исследователей, полагающих, что введение локальной эры ок. 25 г. до н.э. должно быть связано с подтверждением или повторным предоставлением независимости Херсонесу⁴². Имеющиеся эпиграфические источники не позволяют в настоящий момент вынести суждение относительно наличия такой связи. Хронологически наиболее близок к этой дате херсонесский декрет, упоминающий посла боспорской царицы Динамии (ее правление датируется ок. 21–12 гг. до н.э.)⁴³. Об-

³⁸ См. Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–32; Виноградов Ю.Г., Wörle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 1992. 22. S. 159–170.

³⁹ На это указывают имена номофилаков Ламаха, сына Деметрия, и Аполлония, сына Зета, а также и двоюкста Афиня, сына Стратоника, зафиксированные также среди рогаторов декрета IOSPE. I². 691.

⁴⁰ Виноградов. От элевтерии к зависимости... С. 19.

⁴¹ Ю.Г. Виноградов (там же) попытался объяснить это противоречие тем, что чествуемый персонаж мог быть одним из тех, кто помогал Херсонесу обрести независимость. Если исходить из того, что независимость была получена от Цезаря при посредничестве гераклсотов, такое предположение кажется лишеным оснований.

⁴² Так, Лешхорн, считает херсонесскую эру «эрой элевтерии», полученной впервые около 25 г. до н.э. (Op. cit. S. 66). Более осторожны авторы, говорящие о подтверждении Августом в 25 г. до н.э. «первой элевтерии» (Кадеев. Херсонес, Боспор и Рим... С. 57; он же. Херсонес Таврический в первых всках н.э. Харьков, 1981. С. 17) или о предоставлении таврическому полису неких привилегий, характер которых не поддается определению (Зубарь. Ук. соч. С. 126).

⁴³ О хронологии правления Динамии см. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 97, 116–117.

следование камня с этой надписью позволило мне улучшить чтение и предложить новое восстановление сткк. 4–6 декрета, наиболее существенных для понимания документа⁴⁴. О миссии посла Динамии говорится следующее: τὸν ὀφειλομέναν τῇ πόλει ἀμῶν βοήθειαν|[π]επιστευμένος προ[αγορεύειν - - ἀξίως | τε τὸν ἐπιδόσιον τὰς φι[λίας ὑπαρχούσας ἐποίησατο] – «(посол), наделенный полномочиями (провозгласить) полагающуюся (нашему городу военную помощь)... сделал свое пребывание достойным (существующей между нами) дружбы». С большой вероятностью восстанавливаемое в стк. 6 слово φιλία указывает на характер отношений между Херсонесом и Боспорским царством. Формально-юридически речь шла о договоре о дружбе и, скорее всего, военном союзе (συνταχία) между двумя государствами. Таким образом, можно считать эпиграфически подтвержденным предположение (высказывавшееся еще Ростовцевым) о том, что протекторат над Херсонесом осуществлялся в рассматриваемый период, по всей вероятности, в форме военного союза. Была ли иной правовая база этих отношений при Фарнаке и Асандре, сказать сложно. Во всяком случае, в течение ряда последующих лет эти отношения не претерпели существенных изменений: о сохранении военного союза свидетельствуют две херсонесские надписи, упоминающие Полемона I Понтийского (IOSPE. I². 419 и 704)⁴⁵.

В качестве свидетельства в пользу подтверждения херсонесской элевтерии в правление Августа приводился еще один документ – большой, но очень фрагментарно сохранившийся декрет IOSPE. I². 355, в котором дважды встречается слово ἐλευθερία (сткк. 14, 31). На основании палеографии документ предлагалось датировать не позднее I в. до н.э., вероятнее всего временем Августа⁴⁶. К сожалению, нынешнее состояние камня делает крайне затруднительным не только контроль чтения надписи, но и ее палеографический анализ. Можно признать, что палеография должна помещаться в рамках последней четверти I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., оснований же для более точной датировки я не вижу⁴⁷. В данном документе обращает на себя внимание то обстоятельство, что контекст, в котором упомянута «отеческая свобода» херсонеситов (стк. 31), имеет скорее всего *внутриполитический* характер. Внимательное чтение текста показывает, что выражение πάτριον Χερσονασίταις ἐλευθερία[v] логичнее относить не к предыдущей фразе, где речь идет о «величайшем императоре», сенате и римском народе, но к последующей, где упомянут некто, поставленный в Херсонесе тираном «сторонниками новшеств» (ὕπὸ τῶν νεωτερίζοντων τύραννον), очевидно, вопреки именно этой «отеческой свободе». В пользу этого говорит и дополненное Латышевым в постановляющей части декрета (стк. 40) слово «демократия» ([τὰς δαμιο]κρατίας) – ее восстановление вменяется в заслугу чествуемому лицу. При отсутствии в постановлении о почестях специального упоминания элевтерии кажется вероятным предположение, что «демократия» в

⁴⁴ Ср. текст этих строк в IOSPE: τὸν ὀφειλομέναν --- | [π]επιστευμένος πρὸς ἀμέ φέρειν? --- | [- τὸν ἐπιδόσιον[v] τὰς I{---} и реконструкцию, предлагавшуюся Ю.Г. Виноградовым (Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 131, ср. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 563 + addenda).

⁴⁵ Я не могу разделить мнение Ю.Г. Виноградова (Полемон, Херсонес и Рим. С. 137) о том, что в IOSPE. I². 419 речь идет о Полемене II, так как эта интерпретация основывается на крайне сомнительном чтении эстампажа.

⁴⁶ Кадеев. Херсонес, Боспор и Рим... С. 57; он же. Херсонес Таврический... С. 15.

⁴⁷ Обзор мнений исследователей относительно датировки этой надписи см. в работе: Зубарь. Ук. соч. С. 122.

данном контексте выступает ее эквивалентом. Если это рассуждение верно, то у нас нет оснований связывать декрет IOSPE. I². 355 с получением Херсонесом независимости от Боспорского царства.

Резюмируя, можно сказать, что рассмотрение эпиграфических источников, связанных с проблемой «первой элевтерии», не позволяет ни один из них с уверенностью связать с сообщением Плиния Старшего (NH. VI. 85), являющимся главным (если не единственным) источником на этот счет. Значит ли это, что все попытки определить дату события, о котором пишет Плиний, следует считать безнадежными? В связи с этим, на мой взгляд, заслуживает внимания одна достаточно давно высказанная идея. В свое время П.О. Карышковский⁴⁸ усмотрел связь между первыми датированными по местному летоисчислению выпусками херсонесского золота и меди (71 г. херсонесской эры) и первым выпуском боспорского золота с монограммой Котиса I (342 г. боспорской эры). Им было выдвинуто предположение, что таким образом в Херсонесе была ознаменована независимость, полученная херсонеситами в награду за поддержку Котиса и римлян в период римско-боспорского военного конфликта 40-х годов I в. н.э. Именно с этим событием он предложил связать и упомянутую Плинием свободу Херсонеса. Данная точка зрения представляется мне на сегодняшний день наиболее приемлемой. В частности, она позволяет примирить указание Плиния с цитированным выше свидетельством Страбона (VII. 4. 3) и данными херсонесской эпиграфики.

«THE FIRST ELEUTHERIA» OF CHERSONESUS TAURICA IN EPIGRAPHICAL SOURCES

I. A. Makarov

M. Rostovtzeff's hypothesis that the *eleutheria* was granted to Chersonesus by J. Cesar in 46 BC was based upon the Chersonesian decree in honour of G. Julius Satyros (IOSPE. I². 691) as well as on Pliny's evidence (NH. VI. 85). The author of this paper considers different variants of restoration of the final lines of IOSPE. I². 691 and makes an attempt of its historical interpretation. Satyros was sent as ambassador to Rome by Heraclea Pontica, Chersonesus' metropolis (this thesis was first put forward by Yu.G. Vinogradov). Lines 10–11, when restored, offer an ambivalent understanding: (1) in the course of his mission Satyros mentioned old connections between Chersonesus and Heraclea; (2) Satyros mentioned a treaty between Chersonesus and Rome concluded a century before through the mediation of Heraclea. However, the text of the decree as it is preserved bears no mention of the *eleutheria*. The connection postulated between a series of Chersonesian coins with the *eleutheria* of 46 BC cannot be reliably established. Moreover, the hypothesis of Cesar's *eleutheria* contradicts the data of Strabo (VII. 4. 3). These facts make it possible to connect Pliny's evidence with some events of later time (probably, with the Roman-Bosporan war of the 1st c. AD).

⁴⁸ Карышковский П.О. Об эре Херсонеса Таврического // КСОАМ. Одесса, 1961. С. 111–112.